

Самобытный русский талант

Василий Иванович Разумов в своем творчестве всегда искренен и обаятелен. Он рисует своих героев сочными и яркими мазками. Это — художник колоритный и темпераментный от природы. Его творчество вызывает живые симпатии зрителей.

Разумов как актер — народен. Обладая творческой индивидуальностью, он умеет находить в пьесе нечто лично ему близкое. Это — актер, несущий в себе глубокое природное дарование.

Когда Николай Иванович Соболев-Самарин начал знакомиться с Разумовым-актером, то они обоим почувствовали общность художественных интересов и творческую близость.

Один из вариантов спектакля «Мещане» Соболев-Самарин начал такой сценой: раннее провинциальное утро, облака ныли, домок Бессеменова, оконные стекла, засиженные мухами, скамеечка у ворот и старик Бессеменов — В. И. Разумов, который сам, жалея денег на дворника, подметает мостовую у своего дома. Бессеменов скуп! Об этом мы узнаем, еще не услышав ни одного слова почтенного мещанина, соперника и конкурента Досекиных и Крюковых.

Для Соболев-Самарина и творчески близкого ему Разумова было важно сорвать покровы с мещанских явлений жизни и тех обывательских настроений, которыми живут Бессеменовы. Сначала посмотрите на улицу — вот он, благообразный мещанин, рачительный хозяин, досужливый опекун хозяйства своего. Как он старателен, как аккуратен! Теперь пойдемте за ним в его дом, в его «святая святых». Тут мы уже услы-

шим нечто иное. Он сразу же обрушивается на сына, гнусавит, придирается к Петру, немедленно начинает злиться; злоба закипает в нем все сильнее и сильнее и, наконец, разгорается скандал.

Скучать всегда и везде, выносить на обсуждение вновь и вновь, тысячу раз, только вчера обмусоленные домашние распри, еще и еще поднимать склоки, выпивать по четырнадцать стаканов чая, говорить нудно о крошках сахарных, которые в кушанье идут, укорять близких за непочтение, лгать и ехидничать, издеваться и лгать — вот натура Бессеменова, так своеобразно раскрытая замечательным артистом.

В. И. Разумов показывал в Бессеменове прежде всего бессмысленность пребывания этого человека на земле: да полно, человек ли он? Пожалуй, нет. Он — скорее карикатура на него, жалкое подобие Курносый, с вытаращенными глазами, краснолицый, с волосами, расчесанными на прямой пробор, жирно смазанными деревянным маслом, обутий в грубые сапоги, одетый в бархатную коричневую жилетку, из-под которой выбивается светлая косоворотка с зелеными горошинами — он, суется, воля и ругаясь, выявляет непроходимую тупость и чванство.

А сколько самоуверенности при этом, сколько наглости и нахальства! Бесстыдник и буян — Бессеменов Разумова охотно кидается на окружающих, зависящих от него людей, но как только встречает odpor, быстро сворачивает в сторону и прячет голову в песок, подобно янцу. Он труслив, он — «молодец среди овец».

Чего стоит его переметчивость, когда он, жадный до осыры, перебрасывает свою мелкую злобу от одного оппонента к другому! Видно, что Разумов очень хорошо учитывает основное свойство бессеменовской озлобленности — быть вредным для других в силу собственной неудовлетворенности и неустроенности, быть неприятным для тех, кто не склоняется перед ним! Чем больше наговоришь неприятностей никак думающим людям, тем лучше.

Бедный, бедный российский обыватель, житель городов Окурова и Мямлина! Ты не знаешь богатства впечатлений, радости отцовства, торжества духа и свободы познания! Ты можешь посулить доктору четвертную за спасение жизни дочери, а потом по своей жадности отказать ему!

Ты, придя от всенощной, где наедине с самим собой, только что при звуках песнопений и блеске церковных одеяний, признавался в благостные души и велелепии своем, смиряя гордыню, ты сразу же после этого смотришь: волчий, тупый, ненавидящим взглядом на Тетерева и Елену, осмелившихся запеть в твоём отсутствии раздольную волжскую песню! Ты зовешь полицию на помощь, когда дело касается лишь семьи твоей! Ну, как же ты не смейся в своем умственном косноязычии? Как же не высмеять тебя народу русскому?..

И Разумов понял, что его создание лишено чувства восторга перед природой, человеком, народом. Нет у Бессеменовых на лицах счастливой улыбки, а существует одна лишь гримаса уродца, презирающего все светлое и проникновенное.

При всем этом — скука. «Я просто нахожу», — говорит Нил Бессеменову, — что с вами жить почему-то невыносимо скучно. Думаю потому, что очень уж вы любите на все и на все жаловаться».

Унылые и недовольные ходят Бессеменовы по переулкам Окурова. Их путевник — одинаков: от дома до церкви и управы и обратно. Они прикидываются обиженными, кивают на несправедливость судьбы, ухмыляются неудаче соседей. Они жалуются на мастеровых — те осмеляются петь и громко разговаривать. Сами воры — они осмеляются упрекать весь мир в присвоении чужого добра.

И в спектакле Разумов мастерски передает преподанные Соболев-Самариным особенности образа: с непревзойденным умением его Бессеменов выражает самодовольство и свою веру в непогрешимость «хозяев». Почти с упоением и весьма обвинительно высказывается Василий Васильевич о том, что кто-то, непонятный ему, стащил дощечку у

крыльца: «Какой народ стал — вор!». И в другом месте так порицает рабчиков: «Ишь... поют... наверное, мастеровые... поживут этак-то год, много — два, и готовы! Золоторотцами будут... жуликами...».

Лукавый и глупый Бессеменов Разумова страшно далек от народа. Он — его противник, упрямый и гнусный человек, возмнивший себя поводом, а народ — стадом.

Мы хорошо помним замечательное актерское ядро в спектакле «На дне»: П. Б. Юдина (Сатин), В. А. Соколовского (барон) и В. И. Разумова (Бубнов).

В идеале каждый спектакль есть товарищество, братство, где все за одного и один за всех. За последнее время в критике появилось хорошее слово: «содружество». Оно с пользой могло бы заменить французское слово «ансамбль». В спектакле «На дне» в Горьковском театре не было взаимной поддержки и согласия художественных элементов. Сатин Юдина был соответственно дополнен только двумя ролями: это — ролью барона в исполнении В. А. Соколовского и Бубновым — В. И. Разумовым.

Поддержанный дворянином с лихорадочным блеском в глазах, сохранивший от бывшего престижа кое-какие вещицы да манеры маленького господчика, и грубый, неотесанный мастеровой-картузник... Они великолепно олицетворяли тупую косность социального дна, его неподвижность и мрак. Они влияли пагубно на все светлое, что обнаруживалось по пьесе у Пепла, Наташи, Клеща, Актера, пагубно и тлетворно в одинаковой мере, — хотя пришли они в убогую яму Костылева — и барон, и картузник — с разных концов социальной лестницы.

И в других горьковских спектаклях Разумов чудесно расцветивал авторские образы своим природным дарованием. Отвратительный поли-

цейский «врач» — убийца Лещ в спектакле «Последние», тихий, задумчивый и рассудительный рабочий Левшин во «Врагах», городской голова в захламленном городке Верхополье, мрачный и дикий Редозубов в «Варварах» — все это — реалистические, мастерские, самобытные характеры.

Мы были свидетелями шумного успеха Разумова во время московских гастролей летом 1941 года, когда он выступал в ролях аккуратного и хозяйственного, предприимчивого председателя колхоза Ивана Лагутина в спектакле «Учитель», лукавого и талантливого, смелого и чуткого старика-фельдмаршала в спектакле «Фельдмаршал Кутузов», посадского купца-нижегородца Власа Дюжего в спектакле «Сон на Волге». Московские критики отмечали этот успех талантливого артиста в подробных статьях и обзорах.

За время Великой Отечественной войны дарование Разумова еще более окрепло, развилось и выросло. Командир кавгруппы Колос («Фронт»), Усатый («Олеко Дундич»), сэр Тоби Белч («Двенадцатая ночь»), Гордей Торцов («Бедность не порок»), Осип («Ревизор»), Фамусов («Горе от ума»), Дармодыхин («Анна Лучинкина») — откуда создавал Разумов эти свои глубоко национальные образы? Где были истоки его прекрасных человеческих чувств? В той русской жизни, которую так хорошо впитал в себя, которую так любит Разумов. Тут сказались и воспоминания детства, проведенного в Костроме, воспоминания о крепостной и мещанской жизни в русских, старинных городах, и русские проселочные дороги, по которым ходил он, и служба в Красной Армии в годы гражданской войны, и волжская трудовая жизнь в Рыбинске, и весь пестрый мир людей разных общественных положений, с

которым он сталкивался. Впечатления, встречи, разговоры, песни — все это запечателось в нем, стало источником, питающим творчество. Но эти живоотно-благотворные родники смогли питать Разумова-художника прежде всего благодаря его большой любви к русскому человеку.

Не изысканные приемы актерской виртуозной техники прельщали Разумова в искусстве. Он был озабочен прежде всего потребностью заглянуть в самую глубину души человека, понять душу и сердце родного народа.

И сейчас, оглядываясь на пройденный Разумовым путь, видишь, каков он — содержательный, душевный, сердечный. Видишь, как у самодура Гордея Торцова на несколько минут вспыхивает благородный и человеческий взгляд, слышишь в монологе Осипа раньше всего рассказ о том, как жили простые люди в старом Петербурге, видишь наивную спешность Дюжего, ощущаешь сердечность наших стариков-офицеров, участников первых боев за молодую республику («Фронт» и «Так и будет»), видишь лукавый и прищуренный глаз Кутузова!

Сколько в творчестве Разумова близкого нам, очаровательного, простодушного, сколько русского, народного!

С каждой своей новой ролью заслуженный артист республики Разумов дает нам право думать, что скрываются в нем еще и новые стороны таланта, может быть, неожиданные. И каждая его роль, наполняя зрителей бодростью и ясностью, свидетельствует о том, что радостно жить в наши дни, жить и работать для настоящего и будущего советской счастливой Родины.

Н. БАРСУКОВ.